

УДК 347.51

Н.Г. Соломина

МЕХАНИЗМ ВОЗМЕЩЕНИЯ ДОХОДОВ В КОНДИКЦИОННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Статья посвящена определению правовой природы доходов, подлежащих возмещению потерпевшему, а также механизму такого возмещения. Требование о возмещении доходов направлено на возмещение той части убытков, которая подпадает под категорию «упущенная выгода». Таким образом, доходы, подлежащие возмещению, не имеют признаков неосновательного обогащения, что не позволяет рассматривать обязательство по возмещению доходов в качестве кондикционного обязательства.

Ключевые слова: обязательство, кондикция, доход, обогащение.

Лицо, неосновательно получившее или сберегшее имущество, обязано возместить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества с того времени, когда узнало или должно было узнать о неосновательности своего обогащения (ст.1107 ГК). Таким образом, для взыскания доходов потерпевшему достаточно доказать факт недобросовестности владения приобретателя и возможный размер доходов, если таковой не был получен фактически.

Право потерпевшего истребовать не только доходы, которые приобретатель фактически извлек, но и доходы, которые он должен был извлечь из имущества, в правовой литературе находит критику как несоответствующее средство защиты реституционного (кондикционного) права. В частности, указывается на то, что имущество, составляющее неосновательное обогащение, может в принципе не использоваться приобретателем или вообще выбыть из его владения. В этой связи абстрактный подсчет того, что приобретатель мог бы извлечь в качестве доходов, поставит потерпевшего в явно привилегированное положение по сравнению с приобретателем. В результате делается вывод о том, что доходы, полученные от использования приобретенного имущества, должны быть исключительно фактически полученными, равно как возврату при неосновательном обогащении подлежит фактически приобретенное без правовых оснований имущество [1. С. 172].

Изложенный критический подход к пониманию положений о возмещении потерпевшему доходов основывается, в частности, на практике Высшего Арбитражного Суда РФ. Так, в п. 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» определено, что возможность извлечения и размер доходов от использования ответчиком неосновательно приобретенного имущества должны быть доказаны истцом [2. С. 20]. Иллюстрацией такого вывода послужило одно из дел.

Так, организация передала предприятию вертолеты по ничтожному договору аренды, вследствие чего предприятию на основании ст. 167 ГК и п. 1

ст. 1107 ГК было выдвинуто требование о взыскании доходов, которые оно должно было извлечь за все время пользования вертолетами. Однако, как следовало из материалов дела, техника не могла быть использована, поскольку была передана ответчику без свидетельства о регистрации и удостоверений о годности воздушных судов к полетам, наличие которых в обязательном порядке предусмотрено законом. При отсутствии этих документов воздушные суда к эксплуатации не допускаются. Поскольку истец не предоставил документов, подтверждающих факт использования ответчиком вертолетов, а также факт получения доходов от их использования, арбитражный суд в удовлетворении иска отказал.

В юридической литературе высказывается мнение, согласно которому любое приращение имущества (выгода, извлеченная приобретателем с момента получения или сбережения имущества без правовых оснований) должно квалифицироваться как неосновательное обогащение с тем лишь, что доходы, полученные добросовестным приобретателем, возмещению не подлежат. При этом доходы недобросовестного приобретателя подлежат возврату в натуре, а при невозможности такого возврата возмещается их стоимость [3. С. 8; 4].

Таким образом, речь идет о том, что любое имущество, составляющее неосновательное обогащение, в процессе его использования приносит выгоды (доходы), которые следует рассматривать как неосновательное обогащение. Выходит, что установление факта использования неосновательно приобретенного имущества в период, когда приобретатель знал или должен был знать о неосновательности обогащения, выступает основанием возникновения нового кондикционного обязательства наряду с тем, которое возникло вследствие безосновательного перемещения имущества от потерпевшего к приобретателю. Кроме того, если согласиться с тем, что использование неосновательного обогащения ведет к возникновению дохода, подлежащего возврату в качестве неосновательного обогащения, то выходит, что и использование дохода как неосновательного обогащения также приведет к возникновению нового дохода, а значит, и еще одного кондикционного обязательства.

Подобный подход к определению сущности получаемых при использовании имущества, составляющего неосновательное обогащение, доходов нельзя признать состоятельным. На практике это может привести к проблемам доказывания наличия некоторого числа возникших кондикционных обязательств в отношении возврата все новых и новых доходов как неосновательного обогащения.

Возмещение (возврат) полученных приобретателем доходов некоторыми авторами предлагается рассматривать в качестве специального способа защиты нарушенного субъективного права потерпевшего, не предусмотренного ст. 12 ГК и применяемого только в случаях, когда обязательство должника состоит в возврате неосновательно полученного (сбереженного) имущества. Данный способ защиты обращается к иным критериям, не характерным для института убытков [1. С. 169].

Иногда различие между доходами от использования неосновательно приобретенного имущества и убытками в смысле ст. 15 ГК усматривают в том, что лицо, требующее взыскания убытков, – это всегда обладатель какого-

либо субъективного гражданского права (вещного или обязательственного), а в требовании о возмещении доходов права и титулы потерпевшего не имеют принципиального значения [5].

Такое утверждение является спорным. В качестве потерпевшего всегда выступает лицо, за счет которого произошло обогащение, и поскольку тот или иной объект приобретен или сбережен неосновательно, эта неосновательность позволяет квалифицировать приобретение или сбережение имущества как нарушение субъективного права потерпевшего. О восстановлении нарушенного субъективного права (имущественного или обязательственного) идет речь при виндикации, реституции, деликтах, возврате исполненного в связи с обязательством. В приведенных случаях положения гл. 60 ГК могут применяться как непосредственно, так и в субсидиарном порядке. В этой связи непонятно, что имеется в виду, когда говорят, что «права и титулы потерпевшего в кондикционных обязательствах не имеют принципиального значения»?

Объем требований потерпевшего всецело зависит от того, в каком статусе пребывает приобретатель: знает (или должен знать) он или не знает (и не должен знать) о неосновательности своего обогащения. Немаловажное значение для возможного объема требований потерпевшего имеет и то, насколько своевременно приобретатель исполнит свою обязанность по возврату имущества, составляющего неосновательное обогащение.

Возложение обязанности возместить доходы как извлеченные, так и те, которые могли быть извлечены с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательном обогащении, преследует, с одной стороны, цель – наказать лицо, действующее неправомерно, а с другой – компенсировать потерпевшему то, что он мог бы приобрести, если бы его право не было нарушено. Однако не вызывает сомнения, что взыскание всех доходов представляет собой ответственность лица за невозврат неосновательного обогащения в момент возникновения кондикционного обязательства.

Важно заметить, что установленное законом обременение приобретателя в форме возмещения всех доходов не преследует цель вернуть доходы, полученные приобретателем за все время, когда он знал или должен был знать о неосновательности обогащения. В противном случае пришлось бы определить правовую природу всех доходов, полученных приобретателем за все время неосновательности обогащения, и в первую очередь тех, которые были получены добросовестным приобретателем. Так, учитывая, что доходы добросовестного приобретателя должны оставаться за ним, то их следовало бы квалифицировать как имущество, не подлежащее возврату в качестве неосновательного обогащения. В свою очередь, доходы недобросовестного владельца попали бы под квалификацию неосновательного обогащения со всеми вытекающими последствиями, связанными с возникновением множества новых кондикционных обязательств, когда каждое последующее кондикционное обязательство порождало бы новое.

Для целей гл. 60 ГК категория «доходы» используется для определения объема санкции в отношении лица, которое знает или должно знать о неправомерности своего поведения, выражающегося в невозврате имущества, составляющего неосновательное обогащение. Другими словами, доход недобросовестного владельца, который он получил или мог получить, выступает

мерилом (ценой) того бремени, которое ляжет на его плечи. Данный подход к определению значения категории «доходы» в отношениях по возврату неосновательно приобретенного или сбереженного имущества в принципе снимает проблемы, связанные с разрешением вопроса о реальности получения приобретателем доходов, о доказывании их фактического получения в соответствующем объеме и т.п.

Таким образом, возмещение доходов, которые получены или могли быть получены лицом, которое знало или должно было знать о неосновательности своего обогащения, представляет собой ответственность такого лица за невозврат неосновательно приобретенного или сбереженного имущества. При этом размер таких доходов определяет цену требования (размер требования), выражающуюся в денежном эквиваленте. То есть требование о возмещении всегда является денежным. Чем дольше недобросовестный владелец не возвращает неосновательное обогащение, тем больший объем ответственности он возлагает на себя в форме денежного возмещения, соответствующего размеру дохода, который он извлек или должен был извлечь с момента, когда узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения.

При оценке положений, связанных с возмещением потерпевшему доходов, вызывает возражение использование термина «возвратить». Признание необходимости возврата доходов вновь возвращает нас к определению кондикционной природы полученных приобретателем доходов, что, естественно, ошибочно. Ошибочность такого предположения, в частности, выражается хотя бы в том, что пришлось бы выделить дополнительное основание возникновения неосновательного обогащения, в качестве которого выступило бы неосновательное использование неосновательного обогащения. В этой связи считаем возможным исключить из п. 1 ст. 1107 ГК слово «возвратить», ограничившись выражением «обязано возместить потерпевшему все доходы», что в первую очередь соответствует правовой природе обременения, предусмотренного этим пунктом.

При определении природы доходов, подлежащих возмещению потерпевшему, обращает на себя внимание их тождественность с возмещением упущенной выгоды, составляющей часть убытков, предусмотренных ст. 15 ГК. Вместе с тем в правовой литературе встречается мнение, согласно которому положения, предусматривающие право лица требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере, не меньшем полученных нарушителем доходов, не соответствуют компенсационности гражданской ответственности и обязательству по возмещению убытков [1. С. 170–171].

Представляется, что это не так. Положения абзаца второго п. 2 ст. 15 ГК не подлежат толкованию в качестве самостоятельного последствия нарушенного субъективного права в отрыве от абзаца первого п. 1 данной статьи, в котором, в частности, раскрывается категория «упущенная выгода».

Право на возмещение упущенной выгоды в рамках общего требования о возмещении убытков, так же как и право на возмещение реального ущерба, имеет своей целью, помимо всего прочего, компенсировать имущественные потери потерпевшего. Определяя существо упущенной выгоды как неполученные доходы, которые лицо, чье право нарушено, получило бы при обыч-

ных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено, возникает вопрос о возможном мериле этих упущенных доходов.

Таким мерилем, на наш взгляд, выступает действительный доход, который получило лицо, нарушившее право. При этом важно учесть, что речь идет не о возврате полученных доходов, а о возмещении стоимости таких доходов как компенсации, определяющей минимальный размер возмещения, на который вправе рассчитывать лицо, чье право нарушено. В отсутствие реальных доходов размер возмещения потерпевшему должен определяться теми доходами, которые были бы получены при обычных условиях гражданского оборота. При этом такие «виртуальные» доходы в равной степени могло бы получить как лицо, чье право нарушено, так и лицо, которое нарушило право.

Таким образом, правила о возмещении дохода потерпевшему соответствуют правилам об упущенной выгоде, что позволяет признать возмещение доходов, которые получил или мог бы получить недобросовестный приобретатель, упущенной выгодой. Это, в свою очередь, позволяет решить вопрос о соотношении полученных недобросовестным приобретателем доходов с доходами, которые он мог бы получить.

Так, доходы, которые получил приобретатель после того, как узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения, подлежат взысканию в полном объеме даже в том случае, когда их размер превышает размер доходов, которые могли быть получены приобретателем, а равно размер доходов, которые могли быть получены потерпевшим при нормальном течении гражданского оборота.

Рассматривая положения о праве потерпевшего на взыскание дохода в качестве положений, устанавливающих право потерпевшего на взыскание упущенной выгоды, необходимо признать за ними характер специальных правил как ограничивающих общее право лица на взыскание доходов лишь теми из них, которые были получены или могли быть получены с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения.

Итак, потерпевший имеет право на возмещение стоимости доходов, которые были получены приобретателем после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. Если таковые получены не были либо получены были, но отсутствуют доказательства их получения в соответствующем размере, возмещению подлежит стоимостная оценка тех доходов, которые могли быть получены недобросовестным приобретателем.

При определении размера доходов должны приниматься во внимание следующие аспекты: во-первых, размер доходов, который получал потерпевший до неосновательного приобретения имущества приобретателем; во-вторых, размер доходов, который был получен приобретателем до того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения; в-третьих, размер доходов, который получают при использовании аналогичного имущества в условиях нормального течения гражданского оборота.

Значение указанного способа определения размера доходов, который мог быть получен недобросовестным приобретателем, заключается в том, что объем требований потерпевшего в отношении стоимости взыскиваемых до-

ходов не может быть меньше размера тех доходов, которые фактически были получены таким лицом. Это означает, что взыскание стоимости доходов, которые могли быть получены недобросовестным приобретателем, имеет приоритет перед взысканием размера доходов, который в действительности им был получен, при условии, что объем первых превышает объем последних. В противном случае взысканию подлежит стоимость доходов, которые были получены недобросовестным приобретателем.

Возвращаясь к рассмотренному выше примеру п. 8 Информационного письма ВАС РФ № 49, заметим, что вывод о том, что возможность извлечения и размер доходов от использования ответчиком неосновательно приобретенного имущества должны быть доказаны истцом, основан на ошибочном понимании правовой природы права потерпевшего на взыскание доходов. Исходя из материалов дела, арбитражный суд должен был удовлетворить требование истца, для предъявления которого достаточно факта удержания неосновательным приобретателем имущества после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. При этом размер взыскания в отсутствие доказательств использования вертолетов предприятием необходимо было определять исходя из объема тех доходов, которые получала организация от эксплуатации вертолетов, а при отсутствии таких доходов суду необходимо было руководствоваться теми доходами, которые получают при использовании аналогичной техники.

Литература

1. Перкунов Е. Неосновательное обогащение – место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник ВАС РФ. 2004. № 2. С. 150–172.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 года № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
3. Телюкина М.В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) // Законодательство. 2002. № 3. С. 8–16.
4. Ушницева Д.А. Возмещение по обязательству вследствие неосновательного обогащения // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 15–16.
5. Золотко Н.В., Ганжала В.А. Некоторые проблемы применения норм о неосновательном обогащении (гл. 60 ГК РФ) // Вестник Федерального Арбитражного суда Северо-Кавказского округа. 2005. № 4. С. 111–114.